**EPISTEMOLOGICAL STUDIES IN PHILOSOPHY,
SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES**

ISSN 2618-1274 (Print), ISSN [2618-1282](https://doi.org/10.26181/2618-1282) (Online)

Journal home page: <https://visnukpfs.dp.ua/index.php/PFS/index>

ФІЛОСОФІЯ

Олександр Володимирович Михайлюк

Доктор історичних наук, професор,
Завідувач кафедри документознавства та
інформаційної діяльності,
Національна металургійна академія України,
пр. Гагаріна, 4, Дніпро, 49600, Україна

E-mail: mich_al@ukr.net, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-0250>

Oleksandr Mykhailiuk

D.Sc. (Historical Sciences), Professor,
Department of Business Documentation
Management and Information Activity,
National Metallurgical Academy of Ukraine,
Gagarina ave., 4, Dnipro, 49600, Ukraine

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК УМОЗРИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОШЛОГО. Часть II

Received 20 March 2020; revised 30 April 2020; accepted 21 May 2020

DOI: 10.15421/352010

Історія як умоглядна модель минулого. Частина II

Анотація

Дана стаття презентує результати дослідження, першу частину якого опубліковано у попередньому номері журналу (Epistemological studies in Philosophy, Social and Political Sciences, 2019, 2(2), 31-40).

Історія розглядається як знання про минуле. Розглядається проблема об'єкта історичної науки. Ставиться питання про «реальність» минулого, про співвідношення минулого і реальності, про можливість «науки про минуле» і можливість минулого бути об'єктом історичної науки. Розглядається взаємозв'язок між минулим і сьогоденням. Сучасність постає основою для пізнання минулого. Сучасність є точкою відліку, відбір і осмислення минулих подій завжди відбувається з погляду сучасності. Будь-яке пізнання здійснюється за посередництва знаків. Функція пізнання полягає в накладанні на світ мережі позначень. Вироблення нових знань розглядається як семіотичний процес. Поняття «реальність» і «знання» тісно пов'язані між собою. Знання не тільки описує реальність, воно також конструює її. Знання (в тому числі, історичне) культурно обумовлене. Історія як наука розуміється як продукування нових знань на базі переробки інформаційних масивів про минуле. Глибина розуміння в кінцевому рахунку залежить не стільки від інформації, скільки від властивостей інтерпретатора. Сутність наукового методу - заміна реального об'єкта його моделлю. Історія як наука про минуле, як знання про минуле постає як розумова конструкція, як умоглядна модель минулого.

Ключові слова: історія, знання, минуле, інформація, модель, інтерпретація.

History as a speculative model of the past. Part II

Abstract

This article presents the results of the study, the first of which was published in the previous issue of the journal (Epistemological studies in Philosophy, Social and Political Sciences, 2019, 2(2), 31-40).

History is regarded as knowledge of the past. Considers the problem of the object of historical science. The question is about the “reality” of the past, the relationship between the past and reality, about the possibility of “the science of the past” and the challenges of the past to act as the object of historical science. Examines the relationship between past and present. The present is the basis for the knowledge of the past. Modernity is a point of reference, selection and interpretation of past events always occur from the point of view of modernity. Discusses the question of the relationship between everyday and scientific knowledge, of history and “historical memory”. There are Parallels between everyday knowledge and historical memory. Historical memory is seen as a social construct, not even knowledge, but a kind of symbol, the base identity of a social group, a sign of the difference between “their” and “strangers”. The scientific study of the past linked to the problematization of “obvious” in everyday knowledge, in the “historical memory”. All knowledge is carried out through signs. The function of cognition consists in the superimposition of the world network of signs. To develop new knowledge is seen as a semiotic process. The concepts of “reality” and “knowledge” are closely connected with each other. Knowledge not only describes reality, it also constructs it. Knowledge (including historical) culturally mediated. The history of science is understood as the production of new knowledge

on the basis of processing of information arrays about the past. Depth of understanding ultimately depends not so much on information as to the properties of the interpreter. The essence of the scientific method is the replacement of a real object with its model. History as a science of the past, as knowledge of the past acts as a mental construct, as a speculative model of the past. There is a possibility of instrumentalization of history. Historical knowledge included in the system of political and legal argumentation. Various political forces often consider history only as a means to validate and justify their current policy.

Key words: *history, knowledge, past, information, model, interpretation.*

Постановка проблемы.

Данная статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере этого журнала (см. [Михайлюк 2019]). В первой части исследования рассматривался вопрос о «реальности» прошлого, о соотношении прошлого и реальности, о возможности «науки о прошлом» и возможности прошлого выступать объектом исторической науки.

Цель статьи.

В данной статье прошлое рассматривается как бытие опосредованное – остатками, следами и последствиями, информацией, т.е. знаками. История рассматривается как продуцирование новых знаний на базе переработки информационных массивов о прошлом и конструирование на этой основе умозрительной модели прошлого.

Изложение основного материала.

Итак, историк не создает прошлого, а лишь формирует знание о прошлом. Знание имеет знаковую природу. Всякое знание формируется на основе опыта и/или информации. Процесс познания – знаковый процесс. Функция познания состоит в наложении на мир сети обозначений [Касавин 2009: 708]. Всякое познание информативно, а значит, осуществляется через посредство знаков. Согласно Ч.Пирсу, люди не имеют и не могут иметь непосредственного доступа к реальности. Знаки – это ни что иное, как универсальный посредник между человеческими умами и миром. Хотя вещи, может быть, существуют независимо от знаков, мы знаем их только через посредничество знаков. Мы видим только то, что наши знаковые системы позволяют нам видеть [Chandler 1998].

В центре познавательного процесса находится проблема взаимоотношения смысла и значения [Касавин 2009: 708]. Человеческие существа живут в мире значений и смыслов, мы не воспринимаем реальность в чистом

виде, а лишь в том значении, которое она для нас имеет. Мир в человеческом измерении, прежде всего, мир интерпретированный [Адлер 1998: 25].

По сути, прошлое становится историей по мере его осмысления. Смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей [Шрейдер 2000]. Осмыслить – значит поставить в более широкий контекст. А поскольку контекст (по крайней мере, временной) постоянно расширяется, прошлое постоянно требует переосмысления.

Осмысление прошлого можно понимать и как придание смысла прошлому с точки зрения современности, как конструирование смысла. Прошлое обновляется и реконструируется как определенное измерение современности [Кимелев 1995: 17]. История – это сегодняшнее понимание прошлого. Если события в описываемой действительности разворачиваются во временной последовательности – от прошлого к настоящему, – то историческое сознание предполагает обратный ход мысли: от настоящего к прошлому. В дальнейшем могут происходить новые события, которые задают новое прочтение исторического опыта, его переосмысление. Прошлое при этом организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего. Определяется подход к прошлому как к дешифруемому тексту [Успенский 1996].

С одной стороны, существует реальная история как совокупность свершившихся фактов, как прошлое каким оно было, как история реально существовавших людей. С другой стороны, есть история как научная дисциплина. Это познание прошлого, та история,

которую пишут историки. Первую мы знаем лишь благодаря второй, но вторая существует исключительно внутри первой и благодаря ей [Конт-Спонвиль 2012].

Историческое знание в каждый момент времени привязано к настоящему, диктуется настоящим, во многом определяется настоящим. В этом смысле конструкция прошлой реальности, воплощенная в сегодняшнем историческом знании, неразрывно связана с конструкцией настоящего, представленной в общественных науках (см.: [Бергер & Лукман 1995]). Для объяснения прошлого историки используют конструкции, идеальные модели, типы, заимствованные из современных общественных наук как-то «класс», «сословие», «нация», «формация», «историческая закономерность», «прогресс», «цикличность», «линейность» и т.п., пытаясь втиснуть в эти конструкции реальную жизнь.

«Кардинальный вопрос методологии истории – это вопрос о том, как изучать исчезнувший объект, объект, существовавший в прошлом» [Блок 1986: 21]. Выделяют различные варианты «познавательных стратегий» в истории. Н.А. Бердяев, например, писал: «... история дана нам не извне, а изнутри, и мы в конце концов, воспринимая историю, констатируем ее в большей зависимости и большей связи с внутренними состояниями нашего сознания, внутренней его широтой и внутренней его глубиной». «Идти в глубину времен – значит идти в глубину самого себя» [Бердяев 1990: 18-21]. Выделяют, с одной стороны, исторические исследования, которые движутся в реалистических рамках. С другой стороны – нарративную историю, в рамках которой, в отличие от истории, направляемой первой познавательной стратегией, уже нет места для объективности, но только для интерсубъективности, здесь можно достичь конвенциональной общезначимости, но не установления однозначной референции [Пирожкова 2012]. Н.Яковенко выделяет две истории – дидактическую (учебниковую и научно-популярную) и исследовательскую. Первая – «дорогі серцю істини», культурная условность, эрзац-идеология, оперирующая фикциями, но служащая одним из главных оснований национальной

идентичности [Яковенко 2002] – также, на мой взгляд, результат своего рода «самопознания» и достижения конвенциональной общезначимости.

Историю (прошлое, трактуемое в том или ином виде) можно изучать двумя способами: либо опираясь на информацию (следы, последствия, остатки, исторические источники) – поскольку это невозможно на основе непосредственного опыта, либо, как «акт самопознания» в том или ином виде. Объект исторического познания выступает в новом толковании не как нечто внешнее к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой [Историки в 2019: 34]. «Мы видим в объекте то, что лучше всего могли бы увидеть внутри самих себя» [Юнг 1998: 32].

Как возможно знание о том, чего уже нет? Только по оставленным им следам, «остаткам» и последствиям, по результатам – т.е. настоящему. *Настоящее* представляет собой *непосредственное бытие*, а *прошрое* – лишь *бытие опосредованное* [Ковальченко 1987: 109]. Прошрое для нас опосредовано знаками, т.е. остатками, следами и последствиями, информацией. Познание – это процедура обозначения и придания смысла. Получение/производство знаний возможно на основе непосредственного опыта, информации (переданному чужому опыту, внешнему знаковому воздействию) и их интерпретации.

Прошрое (поскольку оно осмысляется как таковое), в отличие от настоящего, не поддается непосредственному, чувственному восприятию, однако оно связано с настоящим опосредствованно – оно оставляет свой след в настоящем, как в субъективных переживаниях, т.е. в явлениях памяти (индивидуальной или коллективной), так и в объективных фактах, которые естественно объясняются как следствия прошедших событий. Это опосредствованное восприятие и семиотизируется при историческом рассмотрении: и те и другие явления предстают как знаки иного бытия, отделяемого от настоящего, т.е. непосредственно переживаемой реальности, но воспринимаемого при этом в заданной им перспективе; история предполагает вообще семиотическое

осмысление прошлого [Успенский 1996: 21].

Настоящее – это следствие, результат прошлого. Следствие *отражает* причину и есть знак ее, и, наоборот, причина есть знак следствия [Современные проблемы 1970: 69]. Можно сказать также, что причина (прошлое) является означаемым, а следствие (настоящее) – означающим. В определении причинно-следственных связей есть определенная особенность человеческого восприятия: мы имеем дело со следствиями, а уже исходя из этого отыскиваем для них причину. Это часто приводит к логической ошибке: *post hoc ergo propter hoc* («после» не значит «вследствие»).

Итак, все науки обращаются к информации о прошлом состоянии объекта (это может быть именно информация, а не непосредственный опыт) и на этой основе строят модель предыдущего состояния объекта и его трансформаций во времени. Эта информация может быть или преимущественно структурной и первичной (для большинства естественных наук), или преимущественно функциональной и вторичной – для гуманитарных наук.

Историк в целом лишен возможности изучения объекта познания путем его непосредственного наблюдения или воспроизведения присущих ему черт и свойств в эксперименте [Ковальченко 1987: 104]. Историк имеет дело не с собственно прошлым, а с его остатками, следами – источниками, информацией о прошлом. По словам Ж. Дюби, единственная доступная историкам реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого [Дюби 1991: 58]. Документ, исторический факт, артефакт, существуют в настоящем и не являются прошлым, они составные элементы настоящего. Они могут лишь нести некую информацию, ее он связывает с предыдущим состоянием реальности, которая будет актуализирована в сознании историка и воспринята им как прошлое [Герасимов 2017].

Прошлое прошло, оставив лишь ограниченную по объему информацию. «Историк всегда раб своих документов» [Блок 1957: 35]. «Историк говорит не о том, что собой представляла Римская империя или французское

Соппротивление в 1944 г., а о том, что о них еще можно узнать. Само собой разумеется, что нельзя написать историю событий, от которых не осталось никакого следа, но любопытно как раз это само собой разумеется: разве мы тут же не заявляем, что история есть полное воспроизведение прошлого или должна быть таковым?» [Вен 2003: 19].

История как наука понимается как продуцирование новых знаний на базе переработки информационных массивов о прошлом. Историческое исследование включает в себя процесс поиска источников, которые дают информацию об исследуемом объекте, процесс анализа и оценки полученной информации в контексте выявления сути исследуемых процессов и явлений, процесс построения модели предметной области исследований, объекта исследований и среды его функционирования, проверку адекватности модели и ее коррекцию. Исследователь должен уметь находить и отбирать особо важные и интересные источники, уметь задавать вопросы к источникам, находить в источниках ответы, интерпретировать информацию, которую он находит в источниках. «Итак, история – не наука; у нее, тем не менее, есть свои правила, но они проявляются на уровне критики источников» [Вен 2003: 20].

Можно согласиться с мыслью, что традиционная модель, основанная на сборе и анализе архивной информации, продолжает (при всей критике в ее адрес) оставаться принятой теорией, потому что она обеспечивает (возможно, наиболее адекватную) методологию и теорию исторической дисциплины [Кукарцева, Колomoец 2007: 33]. Но собранная информация – разрозненная, отрывочная, противоречивая – всего лишь материал для выработки знания.

Прежде чем писать историю, нужно читать источники. Но нужно еще знать, что читать, и нужно уметь читать. Источник лишь несет в себе определенную информацию, которая требует критического отношения, осмысления и интерпретации. Вопрос заключается в отборе и интерпретации, что зависит уже от исследовательских установок, формируемых идеологическими, политическими

факторами, конъюнктурными соображениями и т.д., от принятия или непринятия сообществом ученых, а также, что, на мой взгляд, немаловажно, от субъективных качеств исследователя, его профессионализма и профессиональной честности.

Историческая информация не позволяет однозначно реконструировать прошлое. Исторические источники дают начальную информацию, которая используется для построения модели прошлого. Эта информация требует критического отношения, осмысления и интерпретации. Среди современных исследователей все больше утверждается точка зрения, что исторический источник не является объективным отражением события, оно дает лишь ту информацию, которую в нем ищет историк, отвечает лишь на те вопросы, которые историк ставит перед собой. Ведь задать определенный вопрос получается только тогда, когда время, окружение, восприятие окружающего мира подсказывают историку их важность, а когда это для этого момента и культуры не составляет интереса, ученый «не догадается» задать такой вопрос и искать на него ответ [Яковенко 2016]. Источник не является объективным отражением прошлого еще и потому, что оно передает событие через мировосприятие создавшего его автора. Возникает вопрос: насколько информация, которая содержится в исторических документах отображает реальную ситуацию в обществе. Существует проблема получения искаженной, ошибочной информации. Информация, вообще, лишь моделирует реальность, отображает лишь отдельные стороны реальности, но не тождественная самой реальности. Более того, как писал Ю.М. Лотман, обратной стороной социального функционирования информации является ложь [Лотман 2002: 147]. «Знак как источник информации не менее легко становится и средством социальной дезинформации» [Лотман 1998: 65]. К тому же большинство всех информационных сообщений делается с целью оказать определенное влияние, и здесь не последнюю роль играют интересы. Информация всегда была эффективным средством управления личностью и обществом. Источник, если он даже

является частью определенного факта, не дает нам представления о факте в целом. Ни один источник не может быть отождествлен с исторической действительностью. Говоря о достоверности источника, мы говорим о мере соответствия заложенной в нем информации отображаемому им явлению. Только наивный историк слепо верит источнику, а профессионально зрелый – никогда [Яковенко 2016]. Тем не менее, «источник, который искажает, не перестает быть историческим источником» [Гуревич 1997: 234].

Результат интерпретации зависит от «предыдущего опыта», «внутренней картины мира», тезауруса интерпретатора. Исходя из этих свойств интерпретатора информация им воспринимается и интерпретируется. Мы видим и воспринимаем только ту информацию, которую можем, способны воспринимать. Выборочное видение вообще характерно для человека. Ведь человек воспринимает мир не как хаотичный поток образов, символов и понятий. Вся информация от внешнего мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в сознании человека. Эта схема – картина мира пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Ту информацию, о которой у человека нет представления, нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем. Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается неважное, фиксируется внимание на важном. Один и тот же текст может генерировать различные значения для разных читателей. И в этом смысле «историк *создает* исторический источник» [Гуревич 1993: 15].

Хотя мы можем наделять объект качеством знаковости, знак будет представлен не в самом объекте, а в процедуре интерпретации, с одной стороны, и в культуре наблюдателя – с другой [Пятигорский 1996: 37]. Интерпретация – это увязка знаний, добытых из источника информации, с текущим запасом знаний интерпретатора. Интерпретация – не столько «искусство рассмотрения», сколько искусство «конструирование» [Демьянков 1989: 48-51]. В процессе интерпретации фиксируются опре-

деленные признаки, тогда как относительно других происходит определенное абстрагирование. Поскольку интерпретация в истории связаны с мировоззренческим фактором, то плюрализм соответствующих оценок и выводов означает и их субъективизм. Здесь важна традиция культуры, в поле которой протекает любая интерпретация. Знание (в том числе, историческое) культурно опосредовано. Если всякое понимание есть интерпретация, то не всякая интерпретация есть понимание. Интерпретация может быть правильной или неправильной, успешной или неуспешной, но интерпретирование и не обязано быть успешным (см. [Вершина, Михайлюк 2016]).

Историческое познание не сводится к сумме фактов или к набору информации о прошлом. Факт приобретает смысл и значение, отсылая к другим фактам, теории, в рамках которой он интерпретируется. «Без предварительной, заранее разработанной теории невозможна никакая научная работа, – писал Л.Февр. – Мысленная конструкция, отвечающая нашей тяге к познанию, теория как раз и является наглядным примером научного опыта» [Февр 1991: 69]. Сами по себе факты не только ни о чем не говорят – они ничему не противоречат. Теориям противоречат не факты, а их интерпретация. Настоящая цель науки – не столько поиск новых фактов, сколько поиск новой интерпретации фактов, уже известных [Матвеев 1988: 31].

Осмысление всегда выходит за рамки имеющейся информации. Когда исследователь берется за решение даже узких, специальных проблем, он не может обойти проблемы общие, его мышление всегда концептуально. Историк исходит из более широкой картины мира, с общего мировоззрения, определенной философии истории; не может обойтись без философского, эпистемологического подхода к историческому познанию. В явном или неявном виде они, так или иначе, являются предпосылкой каждого конкретного исторического исследования. Теоретический анализ исторических процессов, выявление их закономерностей всегда предполагают построение тех или иных познавательных моделей. Вместо слова теория все чаще используют

слово модель, подчеркивая с одной стороны особенный характер теоретического представления сущего, а с другой – конструктивную активность теоретика в создании теоретической идеализации [Тищенко 2008: 311].

Историк воссоздает, конструирует прошлое, исходя из тех вопросов, которые ставит перед ним современность. Историческим событиям приписывается значение, отличающееся от того, каким оно виделись современникам. Одно и то же событие может быть рассмотрено через призму различных политических, социальных, культурных концепций. У разных историков – разные точки зрения и часто разные представления о том, какие события действительно были наиболее значимыми в тот или иной период.

Сказать, что все является вопросом интерпретации, значит редуцировать это «все» к «мнению», открыв дорогу субъективизму, страсти и иррационализму [Власова 2016: 236]. «Бесконечность интерпретаций» далеко не бесконечна. Она обусловлена теми же смыслами, кодами, контекстами и, наконец, самой реальностью.

Основным содержанием познания в его относительной самостоятельности становится создание и замена одних идеальных образов и объектов другими в форме процедуры обозначения, отождествления нетождественного, создания аналоговых моделей [Касавин 2009: 708]. Сущность научного метода – создание умозрительной модели реальности. Любое знание – идеальная модель, которая представляет реальные или воображаемые объекты. По большому счету научное познание можно назвать формированием умозрительной модели объекта познания, объективной реальности в целом. По сути, любая наука занимается тем, что создает умозрительную модель реальности. В силу способности к логическим рассуждениям и абстрактному мышлению человек, анализируя поступающую информацию и используя ранее полученные знания, в своем сознании выстраивает модель окружающего мира в виде совокупности понятий о предметах и явлениях, о связях между ними. Одна и та же сложная система может описываться различными моделями, каждая из кото-

рых отражает одну какую-то сторону изучаемой системы

Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности; это внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания [Касавин 2009: 708].

Но любая модель всегда является некоторой идеализацией объекта. Всякая модель вторична по отношению к своему предмету, и в конечном итоге, не адекватна ему, ибо не учитывает всего многообразия проявлений. Обычно модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных. Формальная модель связывается с опытными данными посредством той или иной интерпретации.

Картина прошлого, создаваемая историками, имеет характер модели. Историк, так сказать, моделирует прошлое на основе имеющейся у него информации – всегда неполной и не всегда достоверной. Знание о прошлом всегда носит гипотетический характер. Сформированный в культуре или науке образ прошлого служит не более чем условием возможности понимания исторической действительности, не способным заменить ее саму. Можно лишь говорить о степени достоверности исторической модели, о ее близости к моделируемому прошлому.

«Какова была история «на самом деле», нам знать не дано, реконструируя историю, мы ее *конструируем*. Мы видим ее из настоящего времени и, следовательно, привносим в ее картину свой взгляд на историю свое понимание ее преемственности, собственную систему оценок» [Гуревич 1993: 15]. Конструирование, в свою очередь, не может быть чисто произвольным – конструирование предполагает некоторый материал, независимую от познающего субъекта реальность. По словам М. де Серто, историческое познание не может полностью отделить свою практику от того, что изучается в качестве «объекта» (цит. по: [Историки в поисках 2019: 14]).

Объектами научного (теоретического) познания выступают не сами предметы и

явления реального мира, а их своеобразные аналоги (модели) – некие идеализированные объекты. Знание – это модель реального объекта, а модель – это всегда конструкция. Знание не может существовать ни как зеркальное отображение объекта, ни как нечто такое, что не зависит от объекта. То, с чем имеет дело ученый – всегда лишь «модель». Модель – когнитивный образ объекта, схематизированный и структурированный. Моделирование – всегда упрощение. Модель не тождественна оригиналу, но модель должна быть подобной оригиналу, отражать его существенные черты. Модель, согласно классификации Ч. Пирса – иконический знак, имеющий свойство быть похожим на означаемый объект. У иконического знака существует два неразделимых аспекта: сходство с обозначаемым им объектом и несходство с обозначаемым им объектом. Оба эти понятия не существуют друг без друга [Лотман 1998: 66]. Модель в каком-то отношении подобна моделируемой системе, но в каком-то ином отношении непременно отлична от этой системы. Хотя модель и воспроизводит некоторые характеристики моделируемого объекта, она не является «отражением реальности», а тем более самой реальностью.

Реальная жизнь всегда сложнее и богаче любых умозрительных теоретических построений, реальная история (то есть прошлое, которое было таким, каким оно было и не зависит от наших представлений о нем), как правило, не помещается в концептуальные схемы, которые историки вынуждены периодически пересматривать. Прошлое было таким, как оно было, а не таким, как мы его знаем. «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план (цит. по [Историки в 2019: 11]). Исследователи отмечают явное снижение престижа истории как науки в XXI в. Если в эпоху классического познания история принималась как наука о «прошлом», то сегодня

ня людей интересует только само это «прошлое», которое историки не могут объяснить [Историки в 2019:12]. Речь идет о пересмотре эпистемологических основ исторического знания, социогуманитарного знания вообще. Вопрос состоит в признании возможности получать адекватное (истинное), обоснованное, эмпирически подкрепленное знание о прошлых событиях. Какие бы теоретические обоснования под это не подводились, не стоит забывать слова Дж. Оруэлла: «Тоталитаризм на практике требует непрерывного переписывания прошлого и в конечном счете, вероятно, потребует отказа от веры в самую возмож-

ность существования объективной истины» [Оруэлл 1989: 278].

Выводы.

История как наука претендует на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о прошлом. Историю нельзя отождествлять с прошлым – это только умозрительная модель прошлого. Любая историческая модель априори неточна, приблизительна. Модель – это некоторое упрощенное подобие реального объекта, созданное человеком с помощью знаков. Впрочем, в этом история не так уж сильно отличается от любой другой науки.

Библиографические ссылки

- Chandler, Daniel. (1998). *Semiotics for Beginners*. Retrieved from https://www.academia.edu/8055851/Semiotics_for_Beginners_by_Daniel_Chandler_Semiotics_for_Beginners
- Адлер, А. (1998). Смысл жизни. *Философские науки*, 1, 15-26.
- Бердяев, Н. (1990). *Смысл истории*. М.
- Блок, М. (1957). *Характерные черты французской аграрной истории*. М.: Иностранная литература.
- Блок, М. (1986). *Апология истории, или Ремесло историка*. Изд. 2-е, доп. М.: Наука.
- Вен, Поль. (2003). *Как пишут историю. Опыт эпистемологии*. М.: Научный мир.
- Вершина, В.А., Михайлюк, А.В. (2016). Интерпретация как конструирование смысла. *Гілея: науковий вісник*: 36. наук. праць. К.: «Видавництво «Гілея», 115(12), 166-171.
- Власова, Т.И. (2016). *Интерпретация как теоретическая проблема концептуальных исследований*, в: *Соціально-гуманітарні науки та сучасні виклики. Матеріали всеукраїнської наукової конференції. 29-30 червня 2016 р., м.Дніпро*. Дніпро: РоялПринт, 235-237.
- Герасимов, Г.И. (2017). Прошлое как объект истории. *Genesis: исторические исследования*, 10, 1-19. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24068
- Гуревич, А.Я. (1993). *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. М.: «Индрик».
- Гуревич, А.Я. (1998). *Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные*, в: *Одиссей: Человек в истории - 1997*. М.: Наука, 232-250.
- Демьянков, В.З. (1989). *Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ*. М.: Изд-во Моск. ун-та. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Int0.html>
- Дюби, Ж. (1991). *Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года*, в: *Одиссей. Человек в истории - 1991*. М., 48-59.
- Историки в поисках новых перспектив*. (2019). (ред. Чеканцева, З.А.). М.: Аквилон.
- Касавин, И.Т. (2009). *Познание*, в: *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 707-711.
- Кимелев, Ю.А. *Философия истории. Системно-исторический очерк*, в: *Философия истории: антология*. М., 1995, 3-19.
- Ковальченко, И.Д. (1987). *Методы исторического исследования*. М.: Наука.
- Конт-Спонвиль, Андре. (2012). *Философский словарь*. М.: ООО «Издательство «Этерна».
- Кукарцева, М.А., Коломоец Е.Н. (2007). Эпистемология и онтология истории. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 1, 24-35.
- Лотман, Ю.М. (1998). *Структура художественного текста*, в: *Лотман Ю.М. Об искусстве*. СПб.: «Искусство-СПб», 14-285.
- Лотман, Ю.М. (2002). *Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб.: Академический проект.
- Матвеев, В.В. (1988). *Теории и факты. Химия и жизнь*, 7, 29-33.

- Михайлюк, А.В. История как умозрительная модель прошлого. Часть 1. *Epistemological studies in Philosophy, Social and Political Sciences*, 2019, 2(2), 31-40.
- Оруэлл, Дж. (1989). Подавление литературы, в: «1984» и эссе разных лет. М. «Прогресс», 274-285.
- Пирожкова, С.В. (2016). «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола». *Вопросы философии*, 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1554&Itemid=52
- Пятигорский, А.М. (1996). *О некоторых теоретических предпосылках семиотики*, в: А.Пятигорский. *Избранные труды*. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 350-353.
- Современные проблемы теории познания диалектического материализма*. (1970). Т.П. Истина, познание, логика. М.: «Мысль».
- Тищенко, П.Д. (2008). *Идея модели и пред(о)ставляющее «Да будет!»*, в: *Системы и модели: границы интерпретаций: сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва-Томск, 5-7 ноября 2008 г.* Томск: Изд-во ТГПУ, 311-326.
- Успенский, Б.А. (1996). *Избранные труды*. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Февр, Л. (1991). *Бои за историю* (пер. А.А.Бобовича и др.; ст. А.Я.Гуревича; коммент. Д.Э.Харитоновича). М.: Наука.
- Шрейдер Ю. 2000. *Смысл*, в: *Новая философская энциклопедия*. Т.3. М. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2768.html>
- Юнг, К.Г. (1998). *Психологические типы*. Мн.: ООО «Попурри».
- Яковенко, Н. (2002). Одна Клію, дві історії. *Критика*, 12, 12-14.
- Яковенко, Н. (2016). Наталя Яковенко: «Лише наївний історик сліпо вірить джерелу, натомість фахово зрілий – ніколи» (Текст Оксана Хмельовська 30.12.2016). *Незалежний культурологічний часопис «І»*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ji-magazine.lviv.ua/2017/Yakovenko_Lyshe_naivnyj_istoryk_slipo_viryt_dzherelu.htm (дата звернення 25.01.2020)

References

- Adler, A. (1998). Smysl zhizni [Meaning of Life]. *Filosofskie nauki*, 1, 25. (in Russian)
- Berdyaev, N. (1990). Smysl istorii [Meaning of History]. М. (in Russian)
- Blok, M. (1957). *Harakternye cherty francuzskoj agrarnoj istorii* [Characteristic features of French agrarian history]. М.: Inostrannaya literatura. (in Russian)
- Blok, M. (1986). *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Apologee of History, or The Craft of History]. Izd.2-e, dop. М.: Nauka. (in Russian)
- Chandler, Daniel. (1998). *Semiotics for Beginners*. Retrieved February 25, 2020 from https://www.academia.edu/8055851/Semiotics_for_Beginners_by_Daniel_Chandler_Semiotics_for_Beginners
- Dem'yankov, V.Z. (1989). *Interpretaciya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ih modelirovaniya na EVM* [Interpretation, understanding and linguistic aspects of their modelling on a computer]. М.: Izd-vo Mosk. un-ta. Retrieved February 22, 2020 from <http://www.infolex.ru/Int0.html> (in Russian)
- Dyubi, ZH. (1991). *Razvitie istoricheskikh issledovanij vo Francii posle 1950 goda* [Development of historical research in France after 1950], in: *Odissej. CHelovek v istorii - 1991*. М., 48-59. (in Russian)
- Fevr, L. (1991). *Boi za istoriyu* [Fighting for history] (per. A.A.Bobovicha i dr.; st. A.YA.Gurevicha; komment. D.E.Haritonovicha). М.: Nauka. (in Russian)
- Gerasimov, G.I. (2017). Proshloe kak ob'ekt istorii [The past as an object of history]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 10, 1-19. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24068 (in Russian)
- Gurevich, A.YA. (1993). *Istoricheskij sintez i SHkola «Annalov»* [Historical synthesis and the School "Annales"]. М.: «Indrik». (in Russian)
- Gurevich, A.YA. (1998). *Aporii sovremennoj istoricheskoy nauki – mnimye i podlinnye* [The aporias of modern historical science are imaginary and true.], in: *Odissej: CHelovek v istorii - 1997*. М.: Nauka, 232-250. (in Russian)
- Istoriki v poiskah novyh perspektiv* [Historians in search of new perspectives]. (2019). М.: Akvilon. (in Russian)
- Jung, K.G. (1998). *Psihologicheskie tipy* [Psychological types]. Мн.: ООО «Popurri». (in Russian)

- Kasavin, I.T. (2009). *Poznanie* [Cognition], in: *Encyklopediya epistemologii i filosofii nauki*. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 707-711. (in Russian)
- Kimelev, YU.A. *Filosofiya istorii. Sistemno-istoricheskij ocherk* [The philosophy of history. Systemic-historical essay], in: *Filosofiya istorii: antologiya*. M., 1995, 3-19. (in Russian)
- Kont-Sponvil', Andre. (2012). *Filosofskij slovar'* [Philosophical dictionary]. M.: OOO «Izdatel'stvo «Eterna». (in Russian)
- Koval'chenko, I.D. (1987). *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. M.: Nauka. (in Russian)
- Kukarceva, M.A. & Kolomoec E.N. (2007). Epistemologiya i ontologiya istorii [Epistemology and ontology of history]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 1, 24-35. (in Russian)
- Lotman, YU.M. (1998). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text], in: *Lotman YU.M. Ob iskusstve*. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 14-285. (in Russian)
- Lotman, YU.M. (2002). *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. Spb.: Akademicheskij proekt. (in Russian)
- Matveev, V.V. (1988). Teorii i fakty [Theories and facts]. *Himiya i zhizn'*, 7, 29-33. (in Russian)
- Mihajlyuk, A.V. Istorija kak umozritel'naya model' proshlogo. CHast' 1 [History as a speculative model of the past. Part 1]. *Epistemological studies in Philosophy, Social and Political Sciences*, 2019, 2(2), 31-40. (in Russian)
- Orue'll, Dzh. (1989). Podavlenie literatury' [The Prevention of Literature], in: «1984» i e'sse razny'kh let. M. «Progress», 274-285. (in Russian)
- Pirozhkova, S.V. (2016). «Realisticheskij povorot» v sovremennoj epistemologii, filosofii soznaniya i filosofii nauki? Materialy «kruglogostola» [“Realistic turn” in modern epistemology, philosophy of consciousness and philosophy of science? The materials of the round table]. *Voprosy filosofii*, 12. Retrieved February 18, 2020 from http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1554&Itemid=52 (in Russian)
- Pyatigorskij, A.M. (1996). *O nekotoryh teoreticheskikh predposylkah semiotiki* [On some theoretical premises of semiotics], in: A.Pyatigorskij. *Izbrannye trudy*. M.: SHk. «Yazyki rus. kul'tury», 350-353. (in Russian)
- SHrejder, YU. (2000). *Smysl* [Meaning], in: *Novaya filosofskaya encyklopediya*. T.3. M. Retrieved February 20, 2020 from <http://iph.ras.ru/elib/2768.html> (in Russian)
- Sovremennye problemy teorii poznaniya dialekticheskogo materializma* [Modern problems of the theory of cognition of dialectical materialism]. (1970). T.II. Istina, poznanie, logika. M.: «Mysl'». (in Russian)
- Tishchenko, P.D. (2008). *Ideya modeli i pred(o)stavlyayushchee «Da budet!»* [The idea of a model and the premise “Let it be!”], in: *Sistemy i modeli: granicy interpretacij: sb. tr. Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva-Tomsk, 5-7 noyabrya 2008 g.* Tomsk: Izd-vo TGPU, 311-326. (in Russian)
- Uspenskij, B.A. (1996). *Izbrannye Trudy* [Selected works]. T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. M.: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury». (in Russian)
- Ven, Pol'. (2003). *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [It's like they write history. Experience of epistemology]. M.: Nauchnyj mir. (in Russian)
- Vershyna, V.A. & Mihajlyuk, A.V. (2016). Interpretaciya kak konstruirovaniye smysla [Interpretation as constructing meaning]. *Gileya: nauchnij visnik: Zb. nauk. prac'*. K.: «Vidavnistvo «Gileya», 115(12), 166-171. (in Russian)
- Vlasova, T.I. (2016). *Interpretaciya kak teoreticheskaya problema konceptual'nyh issledovanij* [Interpretation as a theoretical problem in conceptual research], in: *Social'no-gumanitarni nauki ta suchasni vikliki. Materiali vseukraïns'koï naukovoï konferencii. 29-30 chervnya 2016 r., m.Dnipro*. Dnipro: RoyalPrint, 235-237. (in Russian)
- Yakovenko, N. (2002). Odnа Klio, dvi istorii [One Clio, two stories]. *Kritika*, 12, 12-14. (in Russian)
- Yakovenko, N. (2016). Natalya YAKovenko: «Lishe naivnij istorik slipo virit' dzherelu, natomist' fahovo zrilij – nikoli» [Natalia Yakovenko: “Only a naive historian to blindly believe the source, but professionally Mature one – never”] (Tekst Oksana Hmel'ovs'ka 30.12.2016). *Nezalezhnij kul'turologichnij chasopis «I»*. Retrieved December 25, 2019 from http://www.ji-magazine.lviv.ua/2017/Yakovenko_Lyshe_naivnyj_istoryk_slipo_viryt_dzherelu.htm (in Ukrainian)